

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

DOI: 10.17805/zpu.2021.1.1

Штрихи к психологическому и политическому портретам бывшего генсека ЦК КПСС и Президента СССР М. С. Горбачева

И. М. Ильинский

Московский гуманитарный университет

М. С. Горбачев: «Моей давней и заветной целью было уничтожение коммунизма, невыносимой диктатуры над людьми. Меня полностью поддержала моя жена, которая поняла необходимость этого даже раньше, чем я. Именно для достижения этой цели я использовал свое положение в партии и стране, именно поэтому моя жена все время подталкивала меня к тому, чтобы я последовательно занимал все более и более высокое положение в стране».

Фроянов, 2005: Электронный ресурс

Статья посвящена анализу личностных характеристик и политических позиций бывшего генерального секретаря ЦК КПСС и Президента СССР М. С. Горбачева. Исследуются психологические особенности Горбачева как человека, говорится о целом ряде качеств, которые были ему присущи уже с молодых лет, раскрывается роль близких людей в становлении его характера. В статье на большом количестве исторических источников показана роль Горбачева в истории и разрушении СССР. В политическом плане деятельность Горбачева на высшем посту государства объясняется присущим ему стремлением к переустройству, в основе которого — представление о себе как о «спасителе человечества». В Заключении автор также делится своими впечатлениями от личной встречи с Горбачевым в стенах Института молодежи в первой половине 1990-х гг.

Ключевые слова: М. С. Горбачев; СССР; перестройка

ВВЕДЕНИЕ

2 марта с. г. бывшему генеральному секретарю ЦК КПСС и Президенту СССР, инициатору и «главному прорабу» «перестройки», автору «нового мышления для нашей страны и для всего мира» Михаилу Сергеевичу Горбачеву исполнилось 90 лет¹.

В человеческой жизни дата значительная: лишь малая доля людей доживает до этих лет, называемых глубокой старостью. Время — суровая штука. «Жизнь прожить — не поле перейти», — гласит старая русская пословица. Тем более, если это жизнь не обывателя, так называемого простого человека, которым несть числа на планете, а руководителя одной из двух супердержав мира, кем с марта 1985 почти до конца 1991 г. был М. С. Горбачев.

С тех пор минуло 30 лет... За эти годы Горбачев опубликовал несколько книг, объем которых исчисляется тысячами страниц, а книг, написанных о нем в России и за рубежом, в сотни раз больше.

«Что произошло со всеми нами в последние годы? Была ли переживаемая драма предопределена ходом общественного развития или явилась результатом человеческой воли — доброй, по мнению одних, злой, как считают другие?» — вопрошает Горбачев в своей книге «Жизнь и реформы», изданной еще в 1995 г. (Горбачев, 1995: 9).

Странный вопрос, право же! Как я понимаю, Горбачев адресует его к самому себе и в то же время (в свете «нового политического мышления») к «нашей стране» (т. е. к России и бывшим республикам СССР), а также ко «всему миру».

Что произошло с Горбачевым, известно:

1) спровоцировав создание ГКЧП, после его «поражения» сложил с себя обязанности генерального секретаря ЦК КПСС;

2) после подписания Беловежских соглашений о ликвидации СССР и создании СНГ (зачем едут в Беловежскую пущу Ельцин, Кравчук и Шушкевич, Горбачеву было известно) объявил о своей отставке с поста Президента СССР, передал «ядерный чемоданчик» Президенту РСФСР Ельцину.

«Наша страна», т. е. СССР как первое в мире социалистическое государство со всеми его великими достижениями и изъятиями, уничтожена. Горбачев называет это «драмой». Для абсолютного большинства почти трехсотмиллионного народа, **76,4%** которого в 1990 г. голосовали на всенародном референдуме за сохранение СССР, это была не «драма», а страшная **трагедия**. В международном плане, как сказал об этом Президент РФ В. В. Путин, это была «**величайшая геополитическая катастрофа**».

Горбачев пишет: «За эти годы (т. е. до издания мемуаров «Жизнь и реформы» в 1995 г. — *И. И.*) я прочитал и услышал о себе, своей деятельности, **моральных установках** самые разные суждения. Наряду с честным описанием происшедшего в ходу немало домыслов, спекуляций, да и беспардонной лжи» (везде в цитатах выделено полужирным шрифтом мной. — *И. И.*) (там же, 1995: 10). «Мне хотелось избежать изображения событий в **выгодном для себя свете**», — продолжает далее Горбачев на той же странице.

Прочитав обе книги «Жизнь и реформы» общим объемом в 1250 страниц, а также остальные труды Горбачева о «реформации», я утверждаю: о самом себе, своей биографии, «походе на Кремль» и деятельности зачинателя и «главного прораба перестройки» ему на самом деле хотелось обо всем этом так сказать, чтобы не сказать ничего самого главного, тайного; чтобы выйти из любой подозрительной ситуации, как из мутной воды, сухим и чистым. Беда Горбачева в том, что его окружала огромная свита, а в ней находились не только истинные «горбачевцы», которые, как пишет ближайший сподвижник генсека «архитектор перестройки» А. Н. Яковлев, от начала и до конца «перестройки» лукавили, попросту — врали, обманывали, играли втемную. «Я говорил о совершенствовании социализма, а сам знал, куда дело идет», — не раз повторял «архитектор». Знал «куда дело идет» и Горбачев. Об этом он и сам написал в своих публикациях, сказал в разных речах. «Перестройка» была, по сути дела, заговором Горбачева, Яковлева и Шеварднадзе, в конечный замысел которой не был посвящен никто, кроме этой тройки. Яковлев и Шеварднадзе все свои «дела» вывернули буквально наизнанку, видя в них свои великие заслуги перед человечеством. Немало рассказали и о личности Горбачева.

Но это другая тема.

«...Время все расставляет по местам. Блеск вчерашних кумиров сильно потускнел, а крики одобрения толпы в их адрес сменились на проклятия. Кажется, мы начинаем понимать, что нельзя предаваться иллюзиям» (там же).

Читая горбачевские труды, я то и дело ловил себя на мысли: что я штудирую? Что это за произведения? Собственные мемуары Горбачева или его рецензии на чужие и глупые творения? Вот, например, фраза: «...распродается Советский Союз, еще недавно могучее государство. Страну пускают “под нож”, а люди воспринимают происходящее чуть ли не как благо?!» (там же: 11).

Но кто устроил «революцию в революции» «могучего государства»? Кто пустил страну «под нож»? Это сделал Горбачев. И «крики одобрения», но не «толпы», народа сменились на проклятия не в чей-то, а именно в адрес Горбачева.

«Теперь всех нас рассудит история» (там же: 9). Кого это — «нас»? Судить есть кого. Но прежде всего — Горбачева. Он, безусловно, личность историческая, а история — это не только цепь случайных событий и хаос, это и планы, сговоры и заговоры. История — это и галерея портретов тех личностей, которые волею судеб и прочими способами пробились, шагая порой по трупам, на вершины власти.

ШТРИХИ К ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ М. С. ГОРБАЧЕВА

В перестроечные годы «вожди» и чиновники разного калибра высказывали на вершины власти как черти из табакерки. Через некоторое время, судя по речам на митингах, по радио и телевидению, народ получал возможность представить, **каков** тот или иной фигурант «перестройки», что представляет он собой внешне, каковы манеры его поведения, что обещает сотворить во благо страны. Но **почему он именно таков, каким кажется**, с кем и как рос, какие качества и мотивы подвигли этого человека рваться во власть, оставалось тайной.

«Казаться» и «быть» — разные вещи...

В данной статье я коснусь личности нынешнего юбиляра — Михаила Сергеевича Горбачева. Именно — коснусь. Для подробного разговора о том, как этот деревенский парень за немислимо короткие сроки достиг вершин политической и государственной власти в огромной стране, требуется объемное исследование. Признаюсь, что в сфере психологии я не специалист, а всего лишь любознательный читатель, дилетант.

Штрихи для психологического портрета Горбачева я позаимствую главным образом из трудов тех авторов, публикации которых изучил.

В книге «Жизнь и реформы» Горбачев пишет: «Меня часто спрашивают... из какого корня выросла перестройка, где, когда, при каких обстоятельствах сложилось намерение **покончить с укрепившейся у нас тоталитарной системой**. Расскажу я и об этом» (там же: 9). «Хочу в этих книгах представить себя и свои искания с той же целью — объяснить не только свой выбор, но и то, как я шел к нему. Попытался рассказать о том, как трудно было реализовать замыслы, и о том, что многое пришлось кардинально менять на ходу перестройки» (там же: 10).

Все думающие люди, жившие в пору «перестройки», помнят, как действовал ее «затейник» и «главный прораб». Но далеко не каждый даже из этой категории свидетелей согласится с тем, что «перестройка» не могла закончиться иначе, поскольку задумал и управлял ею **именно Горбачев**, если не знать, что исповедовал и как работал Горбачев до того, как он стал генеральным секретарем ЦК КПСС, ради чего он так рвался занять эту главную должность в СССР.

Итак, «из какого корня выросла перестройка»? Ответ простой: из головы Горбачева. А сам Горбачев со всеми его завихрениями ума — откуда? Как известно, все люди из детства.

Родился 2 марта 1931 г. в селе Привольном Ставропольского края. Но с трех лет уже жил не в родительском доме, а у деда Пантелея и бабушки Василисы. «В 30-е годы дед возглавил колхоз “Красный Октябрь” в соседнем селе, в 20 километрах от Привольного, — вспоминает Горбачев в своей книге «Жизнь и реформы». — И пока я не пошел в школу, в основном жил с дедом и бабушкой. Там для меня вольница была полная, любили они меня беззаветно. **Чувствовал я себя у них главным.** И сколько ни пытались оставить меня хоть на время у родителей, это не удалось ни разу. Доволен был не только я один, не меньше отец и мать, а в конечном счете — и дед с бабушкой» (там же: 40). Именно им предназначено было сыграть самую серьезную роль **в воспитании будущего генсека.**

Запомним слова 64-летнего Горбачева о себе шестилетнем: «Чувствовал я себя у них **главным**»... (там же). Известно, что психическая наследственность определяется тем, с кем человек общался в детстве.

Летом 1937 г. дед Пантелей был арестован, в декабре 1938 г. — освобожден, а в 1939 г. снова стал председателем колхоза.

Арест деда стал для Миши Горбачева **первым психологическим потрясением.** «Даже соседские мальчишки избегали общения со мной. **Меня все это потрясло и сохранилось в памяти на всю жизнь**» (там же: 38).

На мой взгляд, на психику Горбачева так или иначе существенно повлиял дед Пантелей. После XIX партконференции (28 июня 1988 г.), когда от советского строя осталось только название, Горбачев все еще твердил о «приверженности социалистическому выбору», а в речи об отставке с поста Президента СССР 25 декабря 1991 г. с гордостью заявил, что **«надо было кардинально все менять», «тоталитарная система ликвидирована»**... (там же: 6). При чем тут дед Пантелей?

Бабушка Василиса, относящаяся к делам своего мужа (деда Пантелея) несколько скептически, на вопросы уже взрослого внука Михаила о том, как дед создавал колхозы, с юмором отвечала: «Всю ночь дед твой организует, организует, а на утро — все разбежались». Она, конечно, понятия не имела, кем станет ее внук, что он, будто курятник, задумает перестроить огромную страну, но, может, сердцем чуяла, что организатор из Мишутки выйдет никудышный. А вышло все, как получалось поначалу у деда Пантелея: семь лет организовывал-организовывал (перестраивал страну), а на восьмой все республики СССР разбежались по нацквартирам.

Я был когда-то знаком с Виктором Алексеевичем Казначеевым², много лет проработавшим на Ставрополье под руководством Горбачева в комсомольских и партийных органах. В. Казначеев написал во многих отношениях уникальную книгу «Последний генсек» (Казначеев, 1996), крайне полезную для психологического портрета Горбачева.

Позволю себе дословно процитировать хотя бы некоторые его наиболее важные оценки личности генсека.

«Так уж получилось, — пишет В. Казначеев, — что многие должности передавались мне от него (от Горбачева. — *И. И.*) как эстафетная палочка. Второй, первый секретарь крайкома комсомола, первый секретарь Ставропольского горкома партии, второй секретарь крайкома партии — ступени карьеры Горбачева. Эти же посты занимал и я, так что не понаслышке мог судить о том, **чем и как занимался предшественник**» (там же: 6).

«Я часто вспоминаю тот день, — продолжает В. Казначеев, — когда в мой кабинет вошел И. В. Рудченко, двоюродный брат Михаила Сергеевича. Он только что прилетел из Москвы. Горбачев был избран Генеральным секретарем...

Иван Васильевич сел напротив меня, лицо его было уставшим и озабоченным.

— Виктор Алексеевич, **быть большой беде, страна осталась без хозяина. Был у Михаила в кабинете. Мне бы, говорит, два хороших урожая получить, а внутренними делами пусть кто угодно занимается, я сейчас сконцентрируюсь на международных делах, это для меня важнее всего: надо утвердиться в должности.**

— Как-как?! Он же утвержден пленумом ЦК!

— Говорю то, что слышал: ему надо утвердиться в должности там (за рубежом. — *И. И.*). Я Мишку хорошо знаю, **станет сдавать позицию за позицией, только по всему миру мелькать...** Тесно ему на одной шестой суши, простор подавай. Начнет колесить из страны в страну, свою землю забросит. **Быть беде, большой беде!»** (там же: 5).

Иван Васильевич хорошо, слишком хорошо знал своего двоюродного братца. Знал, что для того **не существует ни-че-го святого, что понятия «патриотизм», «ответственность перед народом» для него не более чем пустой звук, предвыборная агитка.**

Страсть к театрализованным эффектам (в юности он занимался в театральной студии) органично соединялась в Горбачеве с постоянным желанием подчеркнуть свою значимость, **первенство во всех областях.** Последнее качество в нем было **болезненно развито еще в детстве** (там же: 13).

Как вспоминала одна из его одноклассниц в интервью московскому журналисту: «В первом классе я была отличницей и на Новый год в подарок от школы получила куклу — Деда Мороза. Вечером, возвращаясь домой, услышала чье-то пыхтение. Оглянулась — стремительно приближается кто-то. Миша бежит! Шапка в руках, шарф на ветру, валенки в разные стороны. Догнал. Повалил в снег. Сел на шею... Обидно было мальчишке, что не его отметили, ведь тоже неплохо учился...» (там же: 14).

В. Казначеев пишет: «**Горбачев из породы пенкоснимателей, каторжный труд не по нему**» (там же: 6–7), отмечает, что еще в молодости Горбачеву были **свои собственные ложь, присваивание чужой инициативы.** «Все мы тогда видели его **непорядочность,** — пишет В. Казначеев. Он любил казаться “своим парнем”, и лишь спустя годы выкристаллизовалась общая закономерность: **кого он сердечно обнимает сегодня, кому истово клянется в дружбе и симпатии, тот непременно попадал в беду**» (там же: 19–20).

По свидетельству В. Казначеева, Горбачев **«мстил тем, кто знал о нем больше, чем ему хотелось. Он не жалел никого, в том числе и тех, кто подобострастно угрожал ему во всем...»** (там же: 37).

В. Казначеев говорит о **«невероятной жадности»** Горбачева (там же: 213), его богатстве и пристрастии к деньгам (там же: 211). «Мне же вспомнился переезд Горбачева из Ставрополя в Москву, — пишет Казначеев, — когда он забирал свои вещи из апартаментов первого секретаря крайкома партии. Книги и бумаги перевозил его помощник И. К. Ильченко. В комнате отдыха, примыкавшей к кабинету, стоял сейф, ключи от которого имелись только у владельца. Открыл сейф, достал кейсы. Помощник предлагает: “Михаил Сергеевич, дайте я понесу”. А в ответ услышал: “Нет, это я не могу доверить никому, понесу сам”. Ильченко понял: в кейсах что-то очень ценное. И неудивительно. **Богат он уже тогда был несказанно.** Став генсеком, вообще перестал считать народные деньги» (там же: 211).

А вот свидетельства о психологии Горбачева еще одного автора — А. Черняева, бессменного помощника генсека КПСС и Президента СССР, выдержка из его дневника от 20 мая 1990 г.: «Вчера, в субботу, М. С. позвал в Ново-Огарево обдумать концепцию к XXVIII съезду КПСС. Приехали Яковлев, Примаков, Фролов, Шахназаров, Болдин, Петраков и я. Весь день дискутировали. Попутно услышали такие его рассуждения “о своей доле”. Жизнь что? Она одна. Ее не жалко отдать за что-то стоящее. Не на жратву же или на баб только. И я ни о чем не жалею. **Раскачал такую страну.** Кричат: хаос, полки пустые! Партию развалил, порядка нет! **А как по-другому? История иначе не делается.** И как правило, такие большие повороты сопровождаются большой кровью. У нас пока удалось избежать ее. И это уже колоссальное достижение. **И весь мир теперь рассуждает категориями нашего нового мышления.** Это что, так себе? **И все ведь к человеку, все в русло цивилизаторское.** А дефициты и полки пустые переживем. Колбаса будет. Ругают, клянут! 70 процентов аппарата ЦК и самого ЦК против меня. **Ненавидят.** Не делает это им чести: если поскрести — шкурничество. **Не жалею ни о чем и не боюсь.** И на съезде не буду ни каяться, ни оправдываться.

Он, наконец, **раскидал всех, с кем начинал перестройку,** кроме Яковлева и Медведева. Все оказались за бортом, и все стали его **яростными врагами...**» (Черняев, 1993: 344).

Вот мнение о Горбачеве выдающегося советского и российского ученого-социолога, академика РАН Жана Терентьевича Тощенко. В монографии «Фантомы российского общества» одна из глав «Современный эпигон» посвящена Горбачеву.

Тощенко пишет: «Горбачев — личность историческая. И это никто не оспаривает. Но есть другой принципиальный вопрос — адекватной ли была эта личность своей исторической миссии? Ответ на этот вопрос позволяет сделать однозначный вывод — это **феномен исторического ничтожества,** которому присущ ряд принципиальных характеристик» (Тощенко, 2015: 562). Факт остается фактом — «во главе Советского Союза в конце его существования встала **выдающаяся посредственность**» (там же).

Горбачев не обладал стратегическим мышлением. У него полностью отсутствовало видение исторической перспективы развития страны.

Интеллектуальный потенциал Горбачева был низким. Все его идеи были ограничены, далеки от того полета мыслей, которые присущи одаренным, неординарным людям. Выступления Горбачева сопровождались огромным потоком словоговорения, характеризовались пустословием, отсутствием смысловых единиц.

Из-за ограниченности мышления Горбачев не понимал сути состояния и тенденций развития происходящих процессов, вследствие чего его предложения характеризовались случайностью, отдавали экспромтом, отражали шараханье от одной идеи к другой. Его вели по жизни обстоятельства, а не он влиял на них.

Не хватило элементарного чутья и понимания логики исторического развития президенту СССР М. Горбачеву, оказавшемуся **политической посредственностью самого низшего пошиба,** что позволяет нам использовать такую метафору, как **историческое ничтожество...** Он переигрывал самого себя, пытаясь подать себя в самом лучшем свете с учетом происходящих событий и обстоятельств (там же: 564).

И напоследок — мнение о Горбачеве члена Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря Московского горкома партии В. В. Гришина. В книге «От Хрущева до Горбачева. Политические портреты» он пишет: «В течение почти девяти лет мне довелось видеть его на заседаниях Политбюро, секретариата ЦК, встречаться с ним... На заседаниях он, как правило, **отмалчивался, поддакивал** Генеральному секретарю ЦК,

со всеми предложениями соглашался. Я никогда не слышал из его уст каких-либо новаторских предложений, несогласия по какому-либо вопросу. Если он и выступал на Политбюро по вопросам с/х, то выступления были, как правило, **серенькие, поверхностные**, не содержащие каких-либо предложений по кардинальному улучшению работы на том участке, за который он отвечал. Складывалось впечатление, что он ни с кем не хотел портить отношения» (Гришин, 1996: 69, 71). «...Предатель и трус — вот психологический портрет Горбачева» (там же: 71).

Существует огромная отечественная и даже зарубежная, в том числе американская, литература, в которой Горбачев именуется предателем. Перечислять авторов книг, в которых это доказано, не стану: это легко может сделать каждый...

ШТРИХИ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ М. С. ГОРБАЧЕВА

Окончив в 1950 г. с серебряной медалью сельскую школу в селе Привольное Ставропольского края, 19-летний Михаил Горбачев размышлял о будущем. За плечами — рабоче-крестьянское происхождение, трудовой стаж работы вместе с отцом на комбайне, нежданно-негаданно свалившийся на грудь **орден Трудового Красного Знамени** и — кандидат в члены партии.

«Мои одноклассники подавали заявления в вузы Ставрополя, Краснодара, Ростова, — пишет Горбачев. — Я же решил, что должен поступать не иначе как в **самый главный** университет — Московский государственный университет им. Ломоносова на юридический факультет» (Горбачев, 1995: 59).

Почему Горбачев не остается в своих краях, а едет в Москву «поступать не иначе» как в МГУ, именно на юридический факультет, хотя «что такое юриспруденция и право... представлял себе тогда довольно туманно»? (там же).

Почему? В душе уже играли **амбиции**. А как же: кандидат в члены партии, орденосец. «...**Положение судьбы или прокурора мне импонировало**», — пишет он. Это тебе не учитель, агроном или инженер, хотя, как тут он отмечает сам, их не хватало — послевоенная страна «восстанавливалась, строилась» (там же).

Но — амбиции!

С учетом всех достоинств и заслуг Горбачева в МГУ приняли без экзаменов с обещанием.

И вот бывший генсек ЦК КПСС и Президент СССР, уничтоживший страну через 44 прошедших со времени обучения в вузе года, начинает описывать обстановку в университете.

«Атмосфера была предельно идеологизирована... Учебный процесс, казалось, был нацелен на то, чтобы с первых недель занятий **сковать молодые умы**, вбить в них набор непререкаемых истин, уберечь от искушения самостоятельно мыслить, анализировать, сопоставлять» (там же: 62). «...Действовала отлаженная система всеобщего контроля за состоянием умов» (там же).

«Система образования, казалось, делала все, чтобы предупредить овладение критическим методом мышления... где-то на **третьем курсе**... мы начинали **всерьез задумываться** над тем, что вроде бы уже было изучено и усвоено. <...> первыми авторами, заставившими меня **усомниться** в непреложности преподносимых нам “истин в последней инстанции” были К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин. <...> чем больше я **вчитывался** в “классиков”, тем больше задумывался над соответствием их представлений о социализме нашей реальной действительности» (там же: 63–64).

О, боже! Оказывается, третьекурсник Горбачев «вчитывался» в классиков! Кто в это поверит? А главное, написанное классиками в XVII–XVIII вв., как он обна-

ружил, не соответствует «нашей реальной действительности». Оказывается, он не знает азов философии! Действительность никогда не совпадает с идеалом! Идеал постоянно «убегает» от реальности! И это в 1994 г. пишет генеральный секретарь компартии?!

«...В те годы Горбачева считали, пользуясь современным языком, чуть ли не “диссидентом” за его радикализм. <...> В душе уже зрел протест. <...> И все-таки диссидентом я не был. <...> Свое выпускное сочинение в школе я писал на тему “Сталин — наша слава боевая, Сталин — нашей юности полет”. <...> А я ведь знал реальную жизнь и кое-что из того, что творилось в годы его правления» (там же: 65–66).

«...И все-таки именно Московский государственный университет дал основательные знания и духовный заряд, определивший мой жизненный выбор. Именно здесь начался длительный, растянувшийся на долгие годы, процесс переосмысления истории страны, ее настоящего и будущего. Твердо могу сказать: без этих пяти лет Горбачев-политик не состоялся бы» (там же: 75–76).

Вернувшись в Ставрополь и отсидев несколько дней в кабинете городской прокуратуры, Горбачев быстро понял, что до так «импониовавшего» ему места судьи или прокурора еще далеко-далеко, сумел найти «нужного человека» в крайком партии, который пристроил выпускника МГУ на весьма приличную по тем временам должность заместителя заведующего отделом пропаганды Ставропольского крайкома ВЛКСМ (там же: 81). И вопреки всем своим университетским сомнениям Михаил Горбачев принялся с усердием осваивать марксизм-ленинизм и пропагандировать его среди молодежи, мотаться по колхозам и совхозам края... Но если верить бывшему генсеку ЦК КПСС, червь сомнений все ж сосал его душу.

И вот однажды, глядя с пригорка на раскинувшееся километров на двадцать, на сколько глаз хватало, село Горькая балка, с хаотично разбросанными низкими мазанками, юный Горбачев горестно размышлял: «Где-то там, внутри этих убогих жилищ, шла своя жизнь. Но на улочках (если их можно так назвать) не было ни души. Будто мор прошел по селу и будто не существовало между этими микромирками-хатами никаких контактов и связей. Только лай и перелай собак. И я подумал — вот почему бежит из этого Богом забытого села молодежь. Бежит от заброшенности, от этой жути, от страха быть похороненным заживо» (там же).

Почему эта картина показалась Мише Горбачеву «поистине фантастичной», «убогой» и такой устрашающей? Может, после пятилетнего проживания в комфортабельном общежитии МГУ им. М. В. Ломоносова и московского образа жизни? Это не удивительно. Москва и провинциальное село — резкий контраст.

Поражает глобальный, но примитивный и претензионный вывод, даже если бы его сделал на самом деле юноша по фамилии Горбачев от взгляда на обыденное вечернее полотно деревенского бытия. «Я стоял на пригорке и думал: что же это такое, разве можно так жить? <...> Люди заслуживают лучшей жизни — это то, что больше всего волновало меня» (там же). Но кто это пишет задним числом долгою в 44 года? Генсек ЦК КПСС! Наивно и глупо!..

А то, что в этих местах всего 30 с небольшим лет назад гроыхала Гражданская война и сын шел на отца, брат на брата? Что совсем недалеко позади разгромные годы коллективизации и всего 10 лет назад в стране закончилась небывало разрушительная и кровавая Великая Отечественная война?

А почему бы не подумать так: эти мирные дымки над белыми мазанками и безлюдность улочек между ними есть свидетельство тихого счастья, пришедшего к людям после многих тягостных лет?

Так нет же! Горбачеву уже в начале своих мемуаров хочет показать, «из какого корня», из какого раннего возраста вырос выдающийся страдалец за народное счастье своей страны и всего мира...

В той же главе «Проба сил» уже немолодой человек, бывший генсек Горбачев пишет о «драме Хрущева»: «Видеть причину трагических событий истории советского общества лишь в личных качествах “злодея” Сталина — значит оказаться в плену “культы личности” наоборот. Если дело в этом, то достаточно сменить плохого руководителя на хорошего, и мы гарантированы от повторения ошибок. Хрущев как бы обращался ко всем: вот я часто говорю о прошлом, ничего не скрывая, верьте мне, идите за мной и все будет хорошо. **Иными словами, предлагал сменить один культ другим, не посягая на устои системы.** <...>

Поэтому критика культа личности, резкая по словам, была половинчатой по существу, ей был поставлен определенный предел, а процесс реальной демократизации остановлен в самом начале.

Такая же половинчатость была характерна и для внешнеполитической линии Хрущева» (там же: 94–95).

Эпоху личности Хрущева Горбачев имел возможность изучить и понять досконально: в ту пору он работал вторым, затем первым секретарем Ставропольского крайкома ВЛКСМ, варился в котле происходившей в СССР политической свистопляски, в основе которой лежала хрущевская идея развенчания «культа личности Сталина», воспринятая частью советской интеллигенции и пострадавшего от репрессий населения. Именно идея борьбы со «сталинизмом» с первых дней была положена в основу затеянной им «перестройки». Именно на диссидентствующую публику, на обиженных и озлобленных советской властью людей, живших с фигой в кармане все годы ее существования, и делал он вместе с Яковлевым и Шеварднадзе главную ставку. **Цель ее — уничтожение Системы. В этом смысле Горбачев — не инициатор, а всего лишь продолжатель дел Хрущева, его «идейный» последователь.**

Что же могло быть таким мощным мотивом, который двигал Горбачевым и его сподвижниками в течение почти семи лет — с марта 1985 до конца декабря 1991 г.?

Еще в 1965 г. один из главных авторов доктрины холодной войны США против СССР Дж. Кеннан говорил, что стратегия этой войны включает два главных направления: полное военное поражение Советского Союза или — фантастический, **немыслимый, необъяснимый и невероятный переворот в политических взглядах руководителей СССР.**

Военные планы победы над Советским Союзом с помощью атомного оружия осуществить не удалось, а немыслимое все-таки стало явью — Советский Союз уничтожен.

Какие основания есть у автора этих строк оценить происшедшее не как самопроизвольный распад, развал и самороспуск СССР как нежизнеспособного общественно-политического и экономического строя, а как именно заговор? Ведь, как правило, заговорщики не составляют никаких планов, списков участников заговора, заранее заготовленных деклараций, решений о распределении «портфелей» и подобных документов. Зафиксированные в эпоху Сталина и послесталинский период заговоры свидетельствуют именно об этом: никаких следов, оставленных на бумаге, не существовало. Все главное держалось в голове и выяснялось в ходе допросов.

Нечто адекватное сказанному слышали граждане СССР, жившие в период «перестройки», от ее идеологов и организаторов. «Какая концепция? Какие планы перестройки вы требуете от нас?» — говорили «перестройщики» в ответ на вопли народа:

«Куда движемся? В чем смысл перемен?» «Перестройка — это революция, это живое творчество масс» — слышалось в ответ.

Они нагло ввали, ввали, ввали. А им верили, верили, верили... Да и как не верить было? Кому же еще верить, если не генеральному секретарю ЦК КПСС, олицетворяющей «ум, честь и совесть нашей эпохи»? Как не верить Президенту СССР — главе Советского государства? Ведь если поверить, что Верховный правитель задумал уничтожить свое государство, то надо признать: либо он сошел с ума, либо это сумасшедшие все 290 миллионов граждан этого государства. Но явных признаков безумия у Государя не наблюдалось: говорил складно, разве что иногда вдруг лицо опечалится. Ну, так что ж? Человек ведь!.. А какой груз на плечах держит!..

Ну а если все ж поверить, что «верховод» задумал что-то совсем плохое? Немыслимо! Ну, а все-таки?.. Значит, на самом «верху» в стране находится враг и рядом с ним — его союзники, тоже наши враги. Как это случилось?

В ту пору, когда «процесс пошел» (выражение Горбачева), о его цели и содержании, кроме него, во всем СССР знали всего двое. Но теперь-то о действительных целях и действиях «перестройщиков» известно почти все, за исключением каких-то, может быть, крайне важных, но все-таки деталей. Даже если они вдруг открылись бы нам сейчас, общей картины и результата заговора они бы не изменили.

Парадокс состоит в том, что впервые в мировой истории заговоров его главные организаторы оставили после себя груды мемуаров, в которых описали, почему и как они уничтожали СССР.

Да, случилось то немыслимое и невероятное, о чем говорил в 1965 г. Д. Кеннан: в сознании правителей страны произошел коренной идеологический и политический переворот. Как подлинные революционеры (контрреволюционеры), они действовали не во имя личной власти (они ее имели!), тем более богатства, а во имя идеи, которая одурманила их головы, завладела их душами. При этом они, конечно же, полагали, будто несут людям счастье. Хотя двигали ими ненависть к идее социализма, к сложившейся Системе и безмерные амбиции и тщеславие. Отсюда — множество их публикаций о «перестройке», в которых они хвалятся своей победой, а на самом деле признаются в государственной измене.

Так, выступая с лекцией в Мюнхене 8 марта 1992 г., сокрушитель Советского государства Горбачев, выставляя себя подлинным историческим героем на все века, вопрошал: «Понимали ли те, кто начинал, кто осмелился поднять руку на тоталитарного монстра, что их ждет? <...> Мои действия отражали **рассчитанный план**, нацеленный на обязательное достижение победы... <...> Несмотря ни на что, **историческую задачу мы решили: тоталитарный монстр рухнул...**» (Горбачев, 1992: 193).

В той же книге «Декабрь-91. Моя позиция» Горбачев, отвечая на вопросы корреспондента «Литературной газеты» Ю. Щекочихина, говорит: «Конечно, **идея радикальной перестройки пришла не сразу, не вдруг**. Во время одного из последних декабрьских интервью (американской телекомпании 18 декабря) зашла речь о том, с чего все началось. Мне напомнили, что я как-то сказал: “Есть вещи, о которых я не хочу, не могу говорить”. Не настало ли время все сказать? Но я вовсе не хотел наводить какой-то туман, напускать на себя загадочность. Просто нужно время, чтобы еще многое обдумать, поразмыслить. <...>

Но вот одна фраза, которая может пролить свет на многое. Мы гуляли по берегу Черного моря с Шеварднадзе³ (примечания в цитатах сделаны мной. — И. И.). Это был **семьдесят девятый год**. Тогда мне было сорок восемь, а ему пятьдесят, наверно. В общем, уже зрелые люди, что там говорить. И у нас шел разговор о

том, с чем мы сталкиваемся. Мы чувствовали, как в существующей системе трудно работать человеку совестливому, с нравственными понятиями. Эдуард Амвросиевич сказал тогда: вы знаете, **все прогнило. Я с ним был согласен.** Вот вам ответ на вопрос» (там же: 122–123).

Чуть ниже в том же интервью с Щекочихиным Горбачев говорит:

«Поколение “шестидесятников” долгое время жило **верой в то**, что надо лишь улучшить существующую систему и что это возможно. Когда я пришел к заключению, что ее нельзя улучшить, что **нужна другая система?** Не могу назвать точную дату. Ведь осмысление реальности пришло не как какое-то внезапное озарение. То, что мы начали реформировать в восемьдесят пятом году, это такой феномен, с которым не встречался ни один реформатор за всю историю человечества.

Но дело не только в этом. Это был тоталитарный режим, причем в отличие от других подобных режимов он опирался на тотальное господство над собственностью. И на такую мощную машину, какой являлась КПСС с ее монополией на все. Так что это был твердый орешек. И надо все это понять, это надо было понять нам, чтобы реалистически смотреть на реформы, о которых мы думали.

Есть вещи, которые уложились в первый этап. Это **формирование** концепции. Затем пошел этап превращения этой концепции в политику. Наконец, пошла трансформация этой политики в реальные формы жизни. Каждый этап требовал своего времени, условий...» (там же).

Вдумайтесь только, это говорит М. С. Горбачев: «нужна другая система», «это был тоталитарный режим». Этот человек с молодости несколько лет рьяно трудился в коммунистическом союзе молодежи, затем 10 лет возглавлял ставропольскую партийную организацию, был членом ЦК КПСС, семь лет — секретарем ЦК КПСС, членом Политбюро ЦК, а с марта 1985 г. — генеральным секретарем, т. е. первым лицом этой партии, а значит, и государства.

Ведь нам известно: еще в 1979 г. он согласился с Э. А. Шеварднадзе, будто в этой стране «все прогнило». В 1983 г. они пришли к такому же выводу с А. Н. Яковлевым, тогда еще послом СССР в Канаде. Соглашаясь на высший пост в стране, где «все прогнило», честный и ответственный человек должен был сказать об этом членам ЦК, избравшим его на должность генерального секретаря.

Допустим, не сказал из тактических соображений: «Скажу — не изберут. Лучше не скажу. Изберут — все поправлю».

Но вот вопрос, который Горбачев должен был задать себе в любом случае: **«А справлюсь ли я?** Тем более если изберут и надо многое изменить».

В психологии есть понятие «сомасштабность». Масштаб перемен, которые надо было совершить в стране, и масштаб ума и знаний, воли и энергии — они соотносились между собой? Но об этом, видимо, даже не думалось. «Предшественники смогли, и я смогу». С кем соразмерял себя Горбачев — с Лениным и Сталиным? Несомасштабен.

Слово «архитектору перестройки» А. Н. Яковлеву... «Московская промышленная газета» (30 марта — 5 апреля 2000 г.) опубликовала интервью Н. Гульбинского с Яковлевым под заголовком «Менять надо было буквально все».

«Корр.: Александр Николаевич, когда у вас с Горбачевым впервые возникла мысль о необходимости перестройки?

— Эти разговоры начались еще в то время, когда я был послом в Канаде. Уже тогда мы обсуждали с Горбачевым вопросы перестройки. Мы говорили с ним во время моих приездов в Москву и когда Горбачев приезжал в Канаду.

Корр.: Что, на Ваш взгляд, требовало немедленных перемен в советской системе? — **Менять надо было буквально все**» (Яковлев, 2009: 283).

Тут, пожалуй, стоит сказать несколько фраз о зловещей роли Яковлева в восхождении Горбачева на трон генсека и его роли как «архитектора перестройки»...

Ценнейшие для науки сведения, помимо уже известных читателю, приводит в своих мемуарах Б. И. Стукалин — партийный и государственный деятель СССР: «Признаюсь, что, поддерживая с А. Н. Яковлевым довольно близкие отношения в течение многих лет, не разглядел страшного двойного нутра этого оборотня... Мы пришли в аппарат ЦК в 1960 году практически одновременно... Особенно ему хотелось знать всю подноготную его изгнания из ЦК в 1973 году, о причастности к этому отдельных лиц. Я делился с ним известной мне информацией и своими соображениями. Но на его нетерпеливый, злой вопрос: “**Так кто же меня выжил из ЦК?**” — обычно отвечал, что ничего конкретного не знаю, хотя эта история была мне известна во всех подробностях... “Ну, ладно. Они (!) еще пожалеют об этом, — с нескрываемой угрозой сказал как-то А. Н. Яковлев, — мне только 50 лет. Я вернусь (из Канады. — *И. И.*) и покажу им, где раки зимуют...” К этой теме он возвращался не раз... Еще в конце 50-х годов, проходя стажировку в Колумбийском университете США, А. Н. Яковлев оказался на крючке у ЦРУ» (Стукалин, 2002: 305–307).

В своих мемуарах «Сумерки» Яковлев пишет: «Живет в моей памяти и приезд Горбачева в Канаду. И во время встреч в Москве в связи с подготовкой к этому визиту, и во время поездки он показал себя с самой лучшей стороны. Открыт, прост, любознателен, мастер дискуссии, убедителен в аргументах, откровенен без каких-либо оговорок. Уже тогда я искренне хотел, чтобы он стал лидером государства, говорил об этом открыто.

Однажды Трюдо спросил меня:

— Почему вы настаиваете, чтобы Горбачева принимали на самом высоком уровне? Он ведь приглашен министром сельского хозяйства Юджином Веланом?

Я ответил:

— Горбачев — будущий лидер страны.

— Вы уверены?

— Уверен.

Трюдо долго смотрел на меня. Будучи умным и осторожным политиком, он не спешил поверить в это. Но мое мнение, видимо, подтолкнуло его к размышлениям. Так или иначе, после этого разговора многое изменилось. Качество организации встреч Горбачева было явно повышено. Вместо одной запланированной встречи с Трюдо состоялось три. Причем две — сугубо неформальные, с продолжительными разговорами, далеко выходящими за рамки официальных встреч. Оба политика были явно довольны друг другом» (Яковлев, 2003: 351–354).

Вот момент, достойный осмысления: Посол СССР трижды встречается с премьер-министром страны, которая является доминионом Великобритании, а та, в свою очередь, — самый верный союзник США.

Что должен был сделать Трюдо после первой официальной встречи с Горбачевым, учитывая то, что это, по словам советского посла, будущий генсек ЦК КПСС, главная фигура в стране?

Трюдо тут же должен позвонить или отправить шифрограмму премьер-министру Великобритании, рассказать о встрече, а главное, о возможности прощупать его позиции по вопросам, интересующим Запад, установить личные отношения.

Осмыслив полученную от Трюдо информацию, премьер-министр Великобритании передает ее в Госдепартамент США или напрямую президенту.

В порядке обратной связи Трюдо получает вопросы, подлежащие обсуждению с Горбачевым. Вот одно из объяснений, зачем Трюдо понадобилось одна формальная и две неформальные встречи всего-то с секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству... Вот почему не только Трюдо, но и Горбачев остался крайне доволен этими встречами: он понравился Трюдо, и тот, несомненно, поделится своими впечатлениями с кем следует...

В той же книге «Сумерки» Яковлев говорит: «Я думаю, что именно с поездки в Канаду политическая элита на Западе стала присматриваться к Горбачеву как к будущему лидеру.

Позднее бывший министр иностранных дел Великобритании Джеффри Хау рассказывал мне, что, когда английское правительство обсуждало вопрос о приглашении возможного будущего советского лидера, информация из Советского Союза была противоречивой. Рассматривались кандидатуры Горбачева, Гришина, Романова. Решили посоветоваться с Трюдо. Последний высказался за Горбачева. Англичане прислушались к совету канадцев.

Особенно памятен наш разговор с Михаилом Сергеевичем на ферме министра сельского хозяйства Велана⁴. Мы прибыли туда вовремя, а министр опаздывал из-за погоды. Мы с Горбачевым пошли в поле. Кругом никого, только его охрана на опушке леса. Сначала обычная беседа, но вдруг нас прорвало, начался разговор без оглядок. Почему? Трудно сказать. Он говорил о наболевшем в Союзе, употребляя такие слова, как отсталость страны, необходимость кардинальных перемен, догматизм и т. д. Я тоже как с цепи сорвался. Откровенно рассказал, насколько примитивной и стыдной выглядит политика СССР отсюда, с другой стороны планеты. Да и нервы мои были на пределе из-за десятилетнего пребывания за рубежом. Все последующие разговоры, когда мы колесили по стране, посещая фермеров, научные учреждения, встречаясь с простыми канадцами, священниками и нефтяниками, учителями и врачами, прошли на высоком уровне взаимного доверия и уважения к Горбачеву. Мы тоже наговорились всласть. Во всех этих разговорах как бы складывались будущие контуры преобразований в СССР» (там же: 353–354).

Есть еще тип людей-переменщиков, раз в неделю передвигающих мебель в квартире, заводящих новых жен и друзей, бегающих с одной работы на другую и удивляющихся, почему другие живут не так, как они.

Мне кажется, что в сущности своей Горбачев из породы именно таких людей. Другое дело, что с годами страсть к переменам стала перерастать у него в манию величия, в чувство мессианского предназначения. Он стал мыслить себя Христом, Спасителем рода человеческого. Произошло это, конечно, не враз, а постепенно. Но — произошло. Не случайно Горбачев вспоминает комсомольские годы. По его мнению, видимо, в ту пору и началась главная трансформация его взглядов.

«Жизнь, чем больше и глубже я соприкасался с ней, — пишет Горбачев, — все больше побуждала меня к размышлениям, поискам ответа на эти и другие вопросы. Наши публикации на эти темы мало что содержали нового на этот счет. Творческая мысль не только не поощрялась, наоборот, всячески подавлялась. Как член ЦК КПСС, я имел доступ к книгам западных политиков, политологов, теоретиков, выпускавшимся московским издательством “Прогресс”. По сей день стоят на полке в моей библиотеке двухтомник Л. Арагона “Параллельная история СССР”, Р. Гароди “За французскую модель социализма”, Дж. Боффы “История Советского Союза”,

вышедшие позже тома фундаментальной «Истории марксизма», книги о Тольятти, известные тетради Грамши и т. д. Их чтение давало возможность познакомиться с другими взглядами и на историю, и на современные процессы, происходящие в странах по обе стороны от линии идеологического раскола» (Горбачев, 1995: 144–145).

В первой части статьи я цитирую В. Казначеева: для Горбачева не существовало ни-че-го святого, понятия «патриотизм», «ответственность перед народом» для него не более чем пустой звук, что он человек «непорядочный». Там же я писал том, что В. В. Гришин определяет психологический портрет Горбачева всего двумя словами: предатель и трус. Ж. Т. Тощенко считает, что генсек не обладал стратегическим мышлением, имел низкий интеллектуальный уровень, представлял собой феномен исторического ничтожества.

Как же проявились эти черты характера Горбачева в его политической деятельности, из которой и образуется его политический портрет?

Вот патриотизм, ответственность перед народом...

6 марта 1986 г. в докладе на XXVII съезде КПСС Горбачев заявил: «Национальный вопрос, оставшийся от прошлого, в Советском Союзе успешно решен». 27 января 1987 г. он же, Горбачев, на Пленуме ЦК КПСС говорил: «И пусть желающие сыграть на националистических и шовинистических предрассудках не тешат себя иллюзиями и не ждут никаких послаблений». Можно подумать, что Горбачев верил в то, о чем вещал в обоих случаях.

Хотелось бы согласиться, но это было бы наивным. Горбачеву еще было крайне необходимо каждой фразой своей демонстрировать членам партии и народу верность слову и букве марксизма-ленинизма, ибо заговор только-только входил в зрелую стадию своего развития. Заговорщики «лукавили», появилось уже немало сомневающихся, было важно, чтобы их завиральным речам и решениям продолжали верить.

Но тут 16 декабря 1986 г. в Алма-Ате было объявлено, что 11 декабря того же года от должности первого секретаря ЦК КП Казахстана заочно освобожден Кунаев, первый секретарь ЦК КП республики, которой он управлял 20 с лишним лет. Кунаев был авторитетной фигурой в народе и вовсе не заслуживал такого отношения к себе. К тому же в тот момент он являлся членом Политбюро ЦК КПСС. И вдруг его снимают, да еще заочно! Кунаев был оскорблен. Возмущена была вся партийная элита Казахстана. Более того, без какого-либо согласования с местными партийными верхами на должность руководителя Политбюро национальной республики ЦК КПСС рекомендует избрать русского, бывшего второго секретаря ЦК Компартии Грузии Колбина. Это вызвало возмущение у казахских партийцев республики и в народе. В тот же день в центре города около здания ЦК партии Казахстана стали собираться люди, в основном молодые. За день их число выросло до нескольких сотен. Впервые в их руках были протестные плакаты и лозунги... На следующий день толпа выросла до нескольких тысяч человек, становясь все более буйной. В окна ЦК партии и в милицию, присланную для сдерживания демонстрантов, полетели камни. Тогда был отдан приказ разогнать демонстрацию. Началась схватка, в результате которой многие были ранены, а несколько человек убиты. Часть наиболее активных демонстрантов была арестована и приговорена к тюремному заключению. Несколько сотен студентов исключили из университета.

Не стоит думать, будто столь грубый политический ход со стороны Горбачева был случайной ошибкой. Это была провокация, сознательная пощечина с целью проверки состояния национального достоинства коренной нации. Это была первая авантюра за-

говорщиков, отлично понимавших, сколь ранимо и легко воспламенимо национальное сознание. Не случайно! Именно на возбуждение национализма ставилась одна из главных карт в разрушении Союза Советских Социалистических (национальных! — *И. И.*) Республик. И первый ход с точки зрения горбачевских целей оказался удачным.

Все более разрастались масштабы так называемого хлопкового дела, которое началось еще при Брежневе.

Если бы Горбачев действительно думал о «совершенствовании социализма», он мог бы выправить ситуацию без лишнего шума. Но ему было выгоднее создать именно «дело», а последующее разоблачение выдать за один из главных пороков социалистической системы в целом, справиться с которым она не в силах.

«Коррупция — один из главных врагов “перестройки”! Если мы не победим коррупцию, перестройка погибнет!» — говорили они.

И началась яростная «борьба» с коррупцией в одной отдельно взятой республике, продолжавшаяся весь 1986, 1987 и часть 1988 г., в ходе которой и выросло желанное для Горбачева «узбекское дело». Сложилось это «дело» в основном благодаря усилиям, как оказалось потом, двух следователей-проходимцев Генеральной прокуратуры СССР Тельмана Гдьяна и Николая Иванова. Радио, телевидение, газеты и журналы, которыми руководил «отец гласности» Яковлев, были забиты все новыми сенсационными разоблачениями.

Оказалось вдруг, что в «деле» участвовал и сам глава республиканской парторганизации Усманходжаев. В январе 1988 г. его обвинили в уголовных преступлениях и сняли с должности. Избранный по рекомендации КПСС вместо него ярый «перестройщик» Рафик Нишанов в том же году сообщил, что обвинения в коррупции предъявлены 100 официальным лицам, 3000 таковых понижены в должностях, 18 000 исключены из партии, а 2 приговорены к расстрелу.

«Узбекское дело» потрясло все советское общество, но прежде всего национальное сознание республик.

Однако вскоре в СМИ стали все чаще появляться материалы о противозаконных методах Иванова и Гдьяна, которыми они получали признания и привлекали к следствию ни в чем не повинных людей, многие из которых были полностью оправданы в судах. «Узбекское дело» было воспринято в республике как глумление над узбекским народом. Узбеки возвысили свой голос.

Насторожился зараженный коррупцией Кавказ, в какой-то мере Москва. Но не Россия, не Украина, не Белоруссия, не республики Прибалтики, если не считать, конечно, коррупцией букет цветов любимой учительнице или бутылку коньяка врачу.

Все громче раздавались голоса, что «узбекское дело» состряпано по замыслу «верхов» и выполнено руками Генпрокуратуры. Генпрокуратура получила показательную взбучку от ЦК КПСС. Иванов и Гдьян были отстранены от следствия. Можно было подумать, что Горбачев и Яковлев всерьез озаботились возмущением национального сознания и стремятся успокоить его.

Но тут на освободившиеся в Узбекистане руководящие посты Москва направляет в республику «десант» чужаков, в основном русских, не знающих узбекского языка, местных обычаев. Узбеки окончательно поняли: борьба с коррупцией была в основном трюком. Но догадаться, в чем смысл этого трюка, тогда не мог никто: ни в республике, ни во всем Советском Союзе.

А заключался этот смысл в том, чтобы ударить все народы страны по национальным чувствам, возмутить, разозлить их души, раскачать их сознание, а в конечном счете вызвать ненависть к власти, к идеологии, к Москве как средоточию зла.

А дальше понеслось-покатилось само собой!..

Зимой 1987 г. вспыхнул конфликт между Азербайджаном и Арменией вокруг Нагорного Карабаха. Сотни тысяч армян в Ереване вышли на улицы.

Ответом на них и провокационные слухи об убийствах азербайджанцев стали кровавые события в Сумгаите, втором по величине после Баку городе Азербайджана. В ходе погромов были убиты 26 армян и 6 азербайджанцев, сотни ранены.

После резни в Сумгаите армяне массами бежали из Азербайджана. Армянское руководство стало принудительно выселять азербайджанцев из Армении.

В любой стране бывают ситуации, когда долг власти состоит в том, чтобы силой подавить вспышки и кипение ярости и бесчинств. Однако Горбачев, словно попугай, из месяца в месяц, из года в год твердил одно и то же: **«Надо договариваться. Крови не допущу».**

Здесь уместно вспомнить о «квадрате Наполеона» (выдающийся ум и равная ему воля, необходимые как для полководца, так и руководителя огромной страны в сложной ситуации). Но Горбачев не обладал ни одним из этих качеств... Особенно — волей.

...Эстонцы, латыши и литовцы осторожничали. В 1987 г. они обошлись немногочисленными демонстрациями. Но в 1988 г. бомба национализма взорвалась в Прибалтике во всю свою силу.

В январе эстонцы опубликовали программу Партии национальной независимости, в которой говорилось об оккупации Эстонии Советским Союзом в соответствии с пактом Молотова — Риббентропа, о репрессиях против эстонцев, о введении рыночной экономики вместо плановой, правах человека, восстановлении эстонских посольств за границей и, конечно же, о приоритете эстонского языка над русским. Было ясно, что в данном случае в перспективе речь неизбежно пойдет об отделении Эстонии от СССР, но пока, дабы не раздражать Москву, эстонцы хитрили: в апреле был создан Национальный фронт в поддержку перестройки.

Литовцы в июне организовали «Саюдис» (в переводе на русский «Движение»), и тоже «в поддержку перестройки».

Следом за литовцами подобная организация была создана в Латвии.

Эстония и Литва восстановили флаги и гимны своих бывших государств. Парадокс происходящего состоял в том, что все эти перемены происходили при активной поддержке коммунистических партий этих республик.

В Политбюро как штабе «перестройки» многие, и прежде всего Е. К. Лигачев, на тот момент еще фактически второй секретарь ЦК КПСС, прекрасно понимали, что происходящее — вовсе не «совершенствование социализма», что дело клонится к началу развала СССР. Формально это признавал и Горбачев, называя действия прибалтов предательскими. И когда Политбюро приняло решение, что Горбачеву надо немедленно ехать в Прибалтику и выправлять ситуацию, он согласился — иначе надо было применять силу. Но — не поехал. Тут прав В. В. Гришин: **элементарно струсил.**

Ситуация была, как говорится, пиковой. Показать свои симпатии сепаратистам, которые делали именно то, ради чего был задуман заговор, он не мог: это было открытое предательство перед партией. В этом случае он терял пост генерального секретаря, а с этим и возможность осуществить задуманное вместе с Яковлевым разрушение СССР, уничтожение КПСС и, как думалось, коммунистической идеологии. Снимать маску коммуниста было слишком рано: все только что пошло именно так, как надо. Прибалты показывали пример того пути, по которому должны были пойти другие национальные республики.

Оставалось одно: тянуть время, имитировать борьбу с сепаратистами, «лукавить». Горбачев решил перевести «стрелки» развития процесса на другие рельсы, переложить ответственность со своих на чужие плечи. Испытанный прием, мгновенно создающий иллюзию радикальных перемен, — смена первых руководителей республик «старой закалки» на новых, демократически настроенных. В июне были заменены первые секретари ЦК КП Латвии и Эстонии, а в октябре — первый секретарь ЦК КП Литвы.

В августе Горбачев направил в Литву и Латвию Яковлева. Однако во время поездки Яковлев меньше всего общался с теми, кто был против происходивших перемен, а в основном встречался с активистами «движений за перестройку», в которых обосновались в основном националисты и сепаратисты. Для отвода глаз отверг их стремление ввести собственную валюту, восстановить свои посольства в других странах, а в целом проявил в разговорах мягкость и понимание притязаний прибалтов, что не могло не вдохновить их на новые шаги в избранном направлении.

Вернувшись в Москву, Яковлев доложил Политбюро, что серьезных оснований для беспокойства у руководства ЦК КПСС быть не должно: прибалты — за перестройку.

Не нужно иметь большого ума, чтобы понять, что путешествие и, по сути своей, поощрительные речи Яковлева в Латвии и Литве тут же стали известны в Эстонии.

16 ноября Верховный Совет Эстонской ССР принял Декларацию независимости, согласно которой он получал право аннулировать советские законы, не согласующиеся с положениями Конституции Эстонии, взять под свой контроль эстонские активы, восстановить частную собственность. Все это в конечном счете вполне укладывалось в стратегию заговора, изложенную в «диктовке» и записке Яковлева Горбачеву, но, как и в 1985 г., Горбачев понимал: все еще рановато. Все еще приходилось играть роль сурового генсека, борющегося за социализм.

Горбачев созвал Президиум Верховного Совета СССР и выступил на нем с требованием отменить основные положения Декларации независимости, принятой Верховным Советом Эстонской ССР.

Штормило в Молдавии, в Западной Украине, Западной Белоруссии, но ни в одной из этих республик в течение 1988 г. дело не дошло до создания национальных фронтов, которые делали «погоду» в Прибалтике. Однако их пример выглядел вдохновляюще.

Невозможно угадать, что думал Горбачев о сложившейся ситуации на самом деле, если отбросить в сторону его фарисейские речи на официальных мероприятиях. Несомненно, они обсуждали с Яковлевым обстановку в стране и отношения с зарубежьем, гуляя вечерами по дорожкам горбачевской дачи, но что и как они говорили, мы не знаем. Иногда подолгу, бок о бок, шли молча, думая каждый о своем. Можно предположить, что оба уже осторожничали в своих откровениях, уже лукавили в чем-то друг перед другом: полное единство взглядов на происходящее и будущее было уже позади; они, Горбачев и Яковлев, все чаще спорили, и тем острее, чем больше понимали, что близится точка невозврата, наступает пора снять табу («рано») с главных позиций стратегии заговора, предложенных в «диктовке» и записке Яковлева еще в декабре 1985 г. Страшновато было обоим, но гораздо больше — Горбачеву: чем бы ни закончилась «перестройка» (она же — заговор), по полной отвечать ему.

Приведу еще один пример отсутствия воли (безволия) Горбачева, если кто-то продолжает до сих пор смотреть на него как на «человека, который хотел как лучше»...

Речь о финале «перестройки» — о том, как известная тройка (Ельцин, Кравчук и Шушкевич) распустили СССР и создали СНГ. По этому поводу до сих пор идут споры: участвовал ли в этом Горбачев?

В опубликованных мемуарах В. Ф. Кебича, бывшего премьер-министра Белоруссии, одного из подписантов «беловежской грамоты», есть глава «Михаил Горбачев знал о совершаемом государственном перевороте и имел реальную возможность предотвратить его».

Читаем: «Ужин начался около часа ночи (это уже 9 декабря 1991 г. — И. И.). По предложению Ельцина пили только “Беловежскую”... В разгар застолья, когда народ уже слабо контролировал свое поведение, ко мне подошел Председатель КГБ Белоруссии Эдуард Иванович Ширковский. Отведя в сторону, шепнул: “Вячеслав Францевич, это же самый настоящий государственный переворот! Я доложил обо всем в Москву, в Комитет... Жду команды Горбачева... Ведь налицо факт государственной измены, предательства, если называть вещи своими именами”». Далее В. Ф. Кебич пишет: «Увы, Москва молчала. Не доложить о сообщении Ширковского Горбачеву просто не могли, я это исключаю. Доложили об изменниках генеральному ликвидатору Советского Союза. Никакой реакции» (Кебич, 2008: 202–203).

Немного информации для размышления и понимания.

На I Общесоюзном Съезде Советов, утвердившем Декларацию и Договор об образовании Союза ССР 30 декабря 1922 г., присутствовали 2215 делегатов, в том числе от РСФСР — 1727, от Украинской ССР — 364, от Закавказской Федерации (Азербайджан, Армения и Грузия) — 91, от Белорусской ССР — 33.

В глухих же дебрях Беловежской пущи судьбу СССР решали шестеро, а по сути — трое, хотя и получившие «добро» свыше. Вопрос решался вне всяких конституционных процедур лицами, не имевшими соответствующих полномочий. Заговорщиков по телефону поддержал министр обороны СССР, маршал авиации, он же предатель, Е. И. Шапошников (Молчанов, 2016: Электронный ресурс).

Заметим, что без Верховного главнокомандующего Вооруженными Силами СССР Горбачева маршал-предатель ни единого шага-движения делать не мог.

В Беловежскую пущу 7 декабря 1991 г. слетелись В. Ф. Кебич, С. С. Шушкевич (Белоруссия), Г. Э. Бурбулис, Б. Н. Ельцин (Российская Федерация), А. М. Кравчук, В. П. Фокин (Украина) — еще одна, очередная, группа специалистов по «взрывным» работам, но не на геологическом, а на геополитическом пространстве СССР. Они не были героями Беловежской геополитической эпохи, как их пытаются представить СМИ. Были они всего лишь маленькими сообщниками «дядек покрупнее», выполнявшими пункты плана, написанного «архитекторами перестройки». Читаем заявление участников беловежского собрания, подписанное ими 8 декабря 1991 г.:

«Мы, руководители Республики Беларусь, РСФСР, Украины,

— отмечая, что переговоры о подготовке нового Союзного Договора зашли в тупик, объективный, процесс выхода республик из состава Союза ССР и образования независимых государств стал реальным фактом;

— ...

— осознавая ответственность перед своими народами и мировым сообществом и назревшую потребность в практическом осуществлении политических и экономических реформ, заявляем об образовании Содружества Независимых Государств» (Заявление глав государств ... : Электронный ресурс).

Напомним, 17 марта 1991 г. на Всесоюзном референдуме 76,4% граждан СССР выразили волю жить именно в Общем Социалистическом Отечестве. К тому же со-

юзная республика согласно ст. 72 Конституции СССР 1977 г. могла лишь выйти из СССР, но распустить его она не могла. Кстати, эта норма имела также в Конституциях СССР 1924 и 1936 гг.

В книге М. Н. Полторанина «Власть в тротиловом эквиваленте: Наследие царя Бориса» говорится, что «Б. Н. Ельцин и М. С. Горбачев были заединщиками. На людях же демонстрировали непримиримые противоречия». Из той же книги узнаем также, что волю народа о судьбе СССР, выраженную на Всесоюзном референдуме 17 марта 1991 г., никто из них не собирался претворять в жизнь. Уже 29 июня 1991 г. на пикнике по случаю избрания Б. Н. Ельцина Президентом РФ последний признался (по секрету) М. Н. Полторанину, что **Союз ССР в недалеком будущем прекратит свое существование**. Другими словами, страну убивали, маскируя убийство распадом. Уже темнел впереди назначенный для преступления день. М. Н. Полторанин пишет о ГКЧП как о провокации, которая нужна была этим заединщикам для компрометации ЦК КПСС, всей партии с целью спасения своей шкуры.

М. С. Горбачев, как пишет Полторанин, не был жертвой сговора Б. Н. Ельцина, Л. М. Кравчука и С. С. Шушкевича в Беловежской пуще. Он сам был **участником этого сговора. Именно М. С. Горбачев проинструктировал и благословил Б. Н. Ельцина на «беловежское дело»** (Полторанин, 2000: 176–178, 189–190, 242–245, 313–315).

«Кстати, и в Вискули, в Беловежскую пущу, 7 декабря 1991 г. Ельцин улетел не тайно от Горбачева, а из кабинета Горбачева. Таким образом, Горбачев был не жертвой заговора, а участником расчленения СССР. Вот кто такой “Горби”» (там же: 172).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стоит, наверное, и мне сказать о том, какое впечатление осталось у меня от двух довольно продолжительных встреч с Горбачевым в начале и в конце октября 1994 г., а также нескольких мимолетных позднее.

Став ректором Института молодежи (г. Москва) в феврале 1994 г., я задумал создать в вузе «Открытую кафедру» — площадку, с которой могли бы выступать по моему приглашению политические, государственные и общественные деятели, выдающиеся ученые, писатели, поэты, короче, люди, которые интересны студентам и работникам. Вуз погибал, и мне хотелось привлечь к нему внимание окружающего мира, а также удовлетворить любопытство нашего сообщества, вдохновить людей в гнетущей обстановке бездуховности и материального гнета. «Открытая кафедра» активно действовала более 10 лет. За это время с ее трибуны (актовый зал на 800 человек) выступило около 70 человек.

Но первый — М. С. Горбачев.

Я дозвонился до него, и мы договорились встретиться сначала в его кабинете, познакомиться. Это произошло в 1994 г. в здании Финансовой академии при Правительстве России.

Меня встретил помощник Горбачева Разумов и проводил в кабинет шефа.

Горбачев встал из-за стола, шагнул ко мне с протянутой для приветствия рукой и тут же спросил:

— Перестройка была нужна?

— Да, конечно, — ответил я. — Но...

— А это другой вопрос. Наш человек! — сказал Горбачев, обращаясь к Разумову.

Затем сели за стол, и был довольно долгий разговор о разном. Ничего особенного из него я не вынес. Вопросы, особо тревоживших меня, задавать не стал, мог спуг-

нуть «вождя», а он нужен мне был в институте, на трибуне. Кажется, мы остались довольны друг другом. Сфотографировались и расстались.

27 октября 1994 г. Горбачев приехал в Институт молодежи в сопровождении Разумова. Вместе с проректорами я встретил его на углу полуразрушенного корпуса № 1. Глянув на него, Горбачев сказал, что готов отремонтировать его и разместить здесь свой Фонд. Я отговорился...

Потом было выступление: складная накатанная речь о необходимости, неизбежности, о сталинизме, отсталой экономике, движении к свободе, демократии, правам человека, о новом мышлении, мире во всем мире и т. п. Раза два-три ему не очень дружно аплодировали.

Вопросом было много: много пустых, но и острых достаточно. Спрашивали, предавал ли он и предавали ли его. Ответ: «Да, предавали. Но моя совесть чиста». Будет ли он баллотироваться в президенты РФ на выборах 1996 г. Ответ: «Еще не решил, но возможно». Предлагал заключить договор о сотрудничестве Фонда с Институтом молодежи, просил уступить часть территории. Я относил эти темы в будущее.

Встреча длилась три часа и закончилась чаепитием с ректоратом. Горбачев задавал много вопросов, много говорил сам, был прост и весел, а мы выглядели слегка обалдевшими: ведь это тот самый Горбачев, до которого несколько лет тому назад нам было так же далеко, как до Господа Бога. А Горбачев, понимая это, шутил и даже рассказал анекдот.

Помню, в какой-то момент мне стало грустно и тошно: ведь именно этот человек затеял перестройку, вызвал к политической жизни Ельцина со сворой чубайсов и гайдаров, и вот сейчас сидящие рядом с ним проректоры и деканы Института, созданного на базе ВКШ, живут полунищенской жизнью, не говоря уж о преподавателях и сотрудниках, простом народе. Кажется, он почувствовал мое настроение и стал прощаться. Расставаясь, я обещал позвонить Горбачеву, но так и не сделал этого. Зато начал изучать мемуары «перестройщиков» и исследователей и увяз в этой литературе по сей день. Вскоре, мне кажется, я понял вполне, что такое Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе и что в сущности своей представляла «перестройка».

И когда в конце года мне позвонил Разумов и сказал, что хочет приехать в Институт по просьбе Горбачева и кое о чем поговорить, я согласился.

Оказалось, что Горбачев решил выдвигаться кандидатом в президенты России на предстоящих выборах и хочет, чтобы я и наш актив вошли в группу его сторонников. Вот тут я и сказал Разумову все, что думаю о Горбачеве, сказал, что он не наберет и одного процента голосов избирателей. Странное дело, но я угадал! Выборы состоялись в июне 1996 г. Горбачев набрал в первом туре 0,51% голосов и вылетел из борьбы.

Потом он пытался создать свою социал-демократическую партию, а в марте 2000 г. был избран лидером Объединенной социал-демократической партии, которая издохла, не родившись.

Апофеозом деятельности бывшего генсека КПСС и Президента СССР стал пост председателя Общественного наблюдательного совета НТВ, владельцем которого был олигарх Гусинский. Точкой нижайшего морального падения Горбачева в глазах народа стало его появление на экране телевизора в качестве рекламщика пиццы...

Иногда, однако, задаю себе вопрос: да прав ли я, утверждая, что Горбачев был слаб волей? Ведь для того чтобы сознательно не принимать правильные решения во благо страны под давлением Съезда народных депутатов, членов ЦК, Политбюро ЦК КПСС, необходима была огромная воля. Ведь ему грозили отставкой, на вы-

борах в генсеки набросали более 1000 голосов «против». А он стоял на своем. И выигрывал схватки. Повыгонял Яковлева, Примакова и многих своих друзей из президентского совета, да отовсюду, Яковлева, по сути дела, выпроводил не только из Политбюро, но и из рядов КПСС. Чтобы разрушать, идти против воли огромного большинства людей, умных не менее, чем ты, нужна воля, превосходящая сумму всех иных противных волей.

Выходит, Горбачев был человеком двухвольным: «волей во благо» и «волей во зло». Одна часть его ума и «воля во благо» позволяла ему охмурять людей добрыми словами и обещаниями, казаться искренним и обаятельным, а другая и основная часть ума, сочетаясь с «волей во зло», несла стране и людям несчастья и беды.

Так какой же главный мотив, какие чувства лежали в основе всех действий Горбачева? В феврале 2021 г. корреспондент «Комсомольской правды» А. Гамов позвонил Горбачеву:

«— Здравствуйте. У вас же 90-летие. Как готовитесь, Михаил Сергеевич?

— Да нет, не так просто все... Я уже год в больнице.

— Ну, у Вас жизнь, видите, какая была.

— А то, что меня сопровождало всю жизнь, — так это желание и дух победы...

... Вот и весь разговор с Горбачевым в феврале этого года. Больше Михаил Сергеевич говорить не стал и не мог...» (Михаил Горбачев ... , 2021: Электронный ресурс).

Выходит, что и через 30 лет развал СССР Горбачев считает своей «победой»...

Однако несколько лет назад у А. Гамова был большой разговор с Горбачевым, который так и остался в стенограмме. Один из вопросов Горбачеву в той беседе звучал так:

— Есть ли надежда на возрождение Союза?

— Но они (республики. — *И. И.*) уже не вернуться. Капризные. Все капризные. Петушиться стали много. Президенты должны беспокоиться о том, как оставить след большой после себя, а не о том — вот как я выгляжу. На своем курятнике (там же).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Свой 80-летний юбилей М. С. Горбачев встречал за рубежом в лондонском Альберт-холле. И это не случайно, так как на Западе он до сих пор популярен как человек, избавивший Запад от главного противника — СССР, в то время как для большинства россиян распад Советского Союза остается до сих пор исторической трагедией (Бадовский, 2011: Электронный ресурс). Свое 90-летие М. С. Горбачев отметил в формате видеоконференции в Zoom, пообщавшись с друзьями и соратниками.

² С 1985 г. — председатель Государственного комитета по профессионально-техническому образованию; с 1988 г. — министр социального обеспечения Российской Федерации. Доктор исторических наук.

³ Горбачев и Шеварднадзе — близкие друзья с тех давних времен, когда Горбачев был первым секретарем Ставропольского крайкома комсомола, а Э. А. Шеварднадзе — первым секретарем ЦК ЛКСМ Грузии. В момент разговора, о котором упоминает Горбачев, Шеварднадзе — первый секретарь ЦК компартии Грузии, а Горбачев — секретарь Ставропольского крайкома партии, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС.

⁴ Интуиция, способность к глубокому анализу говорили Яковлеву, что ставку ему нужно делать только на Горбачева: ошибки быть не может. Один раз, в 1978 г., он не ошибся, пригласил Горбачева в Канаду. Теперь нужно делать следующий ход, снова звать его в Оттаву и тут уж —

пан или пропал — говорить обо всем начистоту. Яковлев сумел организовать эту поездку Горбачева, теперь уже секретаря ЦК КПСС по сельскому хозяйству с 1978 г., в результате чего 1983 г. стал поворотным в судьбе Яковлева и Советского Союза, о чем не могли догадываться ни коммунисты, ни народ страны, ни даже высшее руководство партии. Горбачев и Яковлев вступили в тайный сговор, и теперь все зависело от того, станет ли Горбачев генсеком ЦК КПСС. Остальное было предопределено.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Заявление глав государств Республики Беларусь, РСФСР, Украины [Электронный ресурс] // Ельцин-центр. URL: <http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-9-dekabrya-1991-goda> (дата обращения: 02.02.2021).

Бадковский, Д. (2011) Горбачев отметит 80-летие в Москве, а торжества пройдут в Лондоне // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20110302/340932871.html> (дата обращения: 02.02.2021).

Горбачев, М. С. (1992) Декабрь 1991. Моя позиция. М. : Новости. 222, [2] с.

Горбачев, М. С. (1995) Жизнь и реформы : в 2 т. Т. 1. М. : Новости. 596, [1] с.

Гришин, В. В. (1996) От Хрущева до Горбачева. Политические портреты. М. : АСПОЛ. 334, [2] с.

Казначеев, В. (1996) Последний генсек. М. : Гудок.

Кебич, В. Ф. (2008) Искушение властью: из жизни премьер-министра. Минск : Парадокс. 478, [1] с.

Михаил Горбачев: Союз уже не вернуть. Все капризные стали... (2021) [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 1 марта. URL: <https://opolitike.mirtesen.ru/blog/43168432118/Mihayil-Gorbachev-Soyuz-uzhe-ne-vernut-Vse-kapriznyie-stali-> (дата обращения: 02.03.2021).

Молчанов, А. (2016) Распад СССР как философская сплетня [Электронный ресурс] // Про-за.ru. URL: <https://proza.ru/2016/01/13/1259> (дата обращения: 02.02.2021).

Полторанин, М. Н. (2000) Власть в тротиловом эквиваленте: наследие царя Бориса. М. : Алгоритм. 512 с.

Стукалин, Б. И. (2002) Годы, дороги, лица. М. : Фонд им. И. Д. Сытина. 540 с.

Тощенко, Ж. Т. (2015) Фантомы российского общества. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга. 668 с.

Фроянов, И. (2005) Архитектура разрушения [Электронный ресурс] // Литературная газета. № 5. 9–15 февраля. URL: http://old.lgz.ru/archives/html_arch/lg052005/Polosy/11_1.htm (дата обращения: 02.02.2021).

Черняев, А. С. (1993) Шесть лет с Горбачевым: По дневниковым записям. М. : Прогресс, Культура. 524 с.

Яковлев, А. Н. (2009) Избранные интервью: 1992–2005. М. : Международный фонд «Демократия». 480 с.: ил.

Дата поступления: 03.03.2021 г.

TOUCHES TO THE PSYCHOLOGICAL AND POLITICAL PORTRAITS OF THE FORMER GENERAL SECRETARY OF THE CPSU CENTRAL COMMITTEE AND PRESIDENT OF THE USSR MIKHAIL GORBACHEV

I. M. Ilinsky

Moscow University for the Humanities

The article is devoted to the analysis of the personality and political positions of the former General Secretary of the CPSU Central Committee and President of the USSR Mikhail Gorbachev. The author examines the psychological features of Gorbachev's personality, and speaks about a number of qualities that were inherent in him from a young age, revealing the part that closest people played in the development of his character. The paper is based on a large number of historical sources and demonstrates Gorbachev's role in the history and collapse of the USSR. In political terms, the activity of Gorbachev at the highest post of the state is explained by his inherent desire for reconstruction, which is based on the idea of himself as the "savior of humanity". In conclusion, the author also shares his impressions of a personal meeting with Gorbachev at the Institute of Youth in the early 1990s.

Keywords: M. S. Gorbachev; USSR; perestroika

REFERENCES

- Zaiavlenie glav gosudarstv Respubliki Belarus', RSFSR, Ukrainy. *El'tsin-tsentr* [online] Available at: <http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-9-dekabrya-1991-goda> (accessed: 02.02.2021). (In Russ.).
- Badovskii, D. (2011) Gorbachev otmetit 80-letie v Moskve, a torzhestva proidut v Londone. *RIA Novosti* [online] Available at: <https://ria.ru/20110302/340932871.html> (accessed: 02.02.2021). (In Russ.).
- Gorbachev, M. S. (1995) *Zbizn' i reformy*. In 2 vol. Vol. 1. Moscow, Novosti. 596, [1] p. (In Russ.).
- Gorbachev, M. S. (1992) *Dekabr' 1991. Moia pozitsiia*. Moscow, Novosti. 222, [2] p. (In Russ.).
- Grishin, V. V. (1996) *Ot Khrushcheva do Gorbacheva. Politicheskie portrety*. Moscow, ASPOL. 334, [2] p. (In Russ.).
- Kaznacheev, V. (1996) *Poslednii gensek*. Moscow, Gudok. 58, [2] p. (In Russ.).
- Kebich, V. F. (2008) *Iskushenie vlast'iu: iz zbizni prem'er-ministra*. Minsk: Paradoks. 478, [1] p. (In Russ.).
- Mikhail Gorbachev: Soiuz uzhe ne vernut'. Vse kapriznye stali... (2021) *Komsomol' skaia pravda*. March 1. [online] Available at: [https://opolitike.mirtesen.ru/blog/43168432118/Mihayil-Gorbachev-Soyuz-uzhe-ne-vernut-Vse-kapriznyie-stali-\(data-obrashcheniia:05.03.2021\)](https://opolitike.mirtesen.ru/blog/43168432118/Mihayil-Gorbachev-Soyuz-uzhe-ne-vernut-Vse-kapriznyie-stali-(data-obrashcheniia:05.03.2021)).
- Molchanov, A. (2016) Raspad SSSR kak filofskaia spletnia. *Proza.ru* [online] Available at: <https://proza.ru/2016/01/13/1259> (accessed: 02.02.2021). (In Russ.).
- Poltoranin, M. N. (2000) *Vlast' v trotilovom ekvivalente: nasledie tsaria Borisa*. Moscow, Algoritm. 512 p. (In Russ.).
- Stukalin, B. I. (2002) *Gody, dorogi, litsa*. Moscow, Fond imeni I. D. Sytina. 540 p. (In Russ.).
- Toshchenko, Zh. T. (2015) *Fantomy rossiiskogo obshchestva*. Moscow, Tsentri sotsial'nogo prognozirovaniia i marketinga. 668 p. (In Russ.).
- Froianov, I. (2005) Arkhitektura razrusheniia. *Literaturnaia gazeta*, no. 5. Febr. 9–15 [online] Available at: http://old.lgz.ru/archives/html_arch/lg052005/Polosy/11_1.htm (accessed: 02.02.2021). (In Russ.).
- Cherniaev, A. S. (1993) *Shest' let s Gorbachevym: Po dnevnikovym zapisiam*. Moscow, Progress, Kul'tura. 524 p. (In Russ.).
- Iakovlev, A. N. (2009) *Izbrannye interv'iu: 1992–2005*. Moscow, Mezhdunarodnyi fond «Demokratiia». 480 p.: il. (In Russ.).

Submission date: 03.03.2021.

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-78-78. Эл. адрес: iilinskiy@mosgu.ru

Iilinsky Igor Mikhailovich, Doctor of Philosophy, Professor, Rector, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-78-78. E-mail: iilinskiy@mosgu.ru